

ФИЛОСОФИЯ И ОБЩЕСТВО

УДК 101.1::316

DOI 10.23683/2227-8656.2017.5.5

СОЦИАЛЬНАЯ ИНЕРЦИОННОСТЬ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В АДАПТИВНЫХ ПРАКТИКАХ ПОВСЕДНЕВНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

SOCIAL INERTIA IN ADAPTIVE PRACTICES OF DAY TO DAY EXISTENCE IN RUSSIAN SOCIETY

Гнатюк Максим Александрович

Кандидат социологических наук,
преподаватель, Самарский государственный
университет путей и сообщения, г. Самара,
e-mail: gnatuk_m@yandex.ru

Maxim A. Gnatyuk

Candidate of Sociological Sciences,
Teacher, Samara State Transport
University, Samara,
e-mail: gnatuk_m@yandex.ru

В статье показано, что в ходе крупномасштабных социокультурных изменений человек, погруженный в рутину повседневного существования, ощущает все это как некую чуждую для него стихию и стремится приспособиться к ее вторжению в его жизненный мир. Так начинает работать механизм адаптации к переменам, задействуются адаптивные практики повседневного существования. Социальная инерционность в подобных адаптивных практиках повседневного существования связана, прежде всего, с повседневной социокультурной средой.

The article focuses on the fact that a person immersed in the routine of day to day existence, in the course of large-scale social and cultural changes estimates it as some alien element and tries to adapt to its intrusion into the life world. Thus the mechanism of adaptation to changes starts working, the adaptive practices of day to day existence are becoming involved. Social inertia in such adaptive practices of day to day existence is connected, first of all, with the everyday social and cultural environment.

Ключевые слова: социальная инерционность, повседневность, адаптивные практики, социокультурная среда, патриотизм.

Keywords: social inertia, everyday life, adaptive practices, social and cultural environment, patriotism.

Введение

Выявление социальной инерционности в адаптивных практиках повседневного существования, или, пользуясь терминологией В.П. Булдакова, в условиях «навязанного выбора» [1], связано с концептом практик повседневного существования.

Л.Г. Ядрышникова, предлагая концепт «культурные практики повседневности», исходит из того, что это позволяет обратиться к области социального бытования, порождающей подобные «низовые» формы культуры. В контекст культурных практик возможно поместить собственно творческую (инновативную) деятельность и повседневную культурную практику, связанную с привлечением неких «искусных» навыков и приемов. Обращаясь к анализу культурных практик, необходимо установить их статус по отношению к культуре: культура, понимаемая как практика повседневности, наделяется такими ее качествами, как предсказуемость, тривиальность, стереотипность. Здесь уместно соотнесение типичности и стабильности с традиционностью как возможностью социума зафиксировать определенное состояние в условиях осознанной нестабильности, текучести, ненадежности. Это – основная функция описываемых практик.

Категория культурных практик повседневности охватывает все культурное поле, в том числе фольклор, самодеятельность, акционное поле современного искусства и т. д. Используя данный концепт, мы можем способствовать переключению нашего внимания на пребывание актора в различных социокультурных контекстах, порождающих сложный комплекс ценностно-смысловых установок, знаково-символических систем и формирующиеся на их базе способы коммуникации, поведенческие, а также художественные практики [2].

Теоретические проблемы исследования повседневности

Повседневность существует как сложное пространство образования семантических смыслов, как поле изменения уже зафиксированных правил. Пространство человеческого опыта и социального знания есть общность знаковых систем со специфическими принципами их конфигурации. Повседневность является такой же знаковой системой, как и другие виды культурной и социальной жизни [3, 14].

Для И.Т. Касавина повседневность как проблема философии коренится в том явном факте, что оценки всех трех компонентов, составляющих, по его мнению, повседневность: повседневной реальности, повседневного сознания (знания) и «философии здравого смысла» –

диаметрально расходятся, что предопределяет и расхождение трактовок повседневности в различных социально-философских подходах. Различные традиции видят и фиксируют в феномене повседневности разные объекты, относящиеся к тому или иному ее аспекту, рассматривают повседневность на фоне различной интерпретации центральных философских понятий [4].

Р.А. Мигуренко обращает внимание на то, что повседневность мыслится в качестве: а) реальности; б) обыденного сознания, как область зарождения и трансляции истин здравого смысла; в) естественного языка. Являясь философской категорией, повседневность не имеет четкой дефиниции, но обладает субстанциальной и функциональной интерпретациями.

В теоретико-методологическом разрезе повседневность представляет собой образ мира с исключительно стабильными основаниями человеческой жизнедеятельности; с феноменологической точки зрения это некое интегральное пространство, социокультурная среда [5].

В ходе крупномасштабных изменений человек, погруженный в рутину повседневного существования, ощущает все это как некую чуждую для него стихию и стремится приспособиться к ее вторжению в его жизненный мир. Так начинает работать механизм адаптации к переменам, задействуются адаптивные практики повседневного существования. Социальная инерционность в подобных адаптивных практиках повседневного существования связана, прежде всего, с повседневной социокультурной средой («давление повседневности»).

Социокультурная среда обычно трактуется как многомерное системное образование, включающее в себя различные элементы. Необходимыми элементами ее структуры среды являются система социальных отношений и взаимодействий в определенном пространстве деятельности; культура, традиции и обычаи; условия непосредственной жизнедеятельности. Различные отношения, обусловленные социокультурной средой, включают широкий спектр контактов с социальным миром, сферой культуры и искусства, отношения в пространстве ближайшего социального окружения.

Проявление социальной инерционности в российском обществе

Обращая внимание на инерционность социокультурной среды, социальный философ Н.Н. Зарубина говорит о том, что повседневность не успевает за быстрыми изменениями социальной среды. На смену стабильности приходит сфера риска. Вся совокупность условий современной жизни требует мобильности и динамизма, способности к

изменениям, которые затрагивают все уровни социального существования, в том числе и повседневность. От современных рисков способен защититься тот, кто эффективно просчитывает их возможное возникновение, а также их последствия.

Напротив, попытки сохранения условий бытия в качестве неизменных чреваты дополнительными рисками и вызовами. Приверженность устоявшимся образцам, сохранившимся традициям интерпретируется как признак «отсталости». Поэтому тем, кто не желает рисковать своим символическим капиталом, следует успевать за быстрыми переменами не только моды, но также информации, профессиональных навыков, условий рынка [6].

Адаптивные практики повседневного существования в современной социокультурной среде во многом базируются на инерции маргинального быта, берущего свое начало из советской «коммунализации» 1920-х гг. В основе изменений повседневных бытовых практик в первое десятилетие советской эпохи была установка идеологов на воспитание нового человека, в первую очередь как человека коллективного.

По мнению советских идеологов, на месте старого быта, со свойственным ему индивидуализмом, должен возникнуть новый, на основе коммунального совместного сосуществования. Вначале предполагалось, что граждане нового общества будут жить в домах-общежитиях с общими яслями, столовыми, прачечными, оснащенными различными машинами и механизмами. В итоге коммунальный быт превратился в одну из жизненных реалий, но вместо задуманных благоустроенных домов-коммун символом нового жизнеустройства стала коммунальная квартира.

Наспех сооруженные бараки и общежития с минимумом санитарных условий стали «убежищем» для многих «вновь испеченных» рабочих Советской России. Но зато отныне все жили в коллективе. Формы коммунального быта накладывали серьезный отпечаток на мышление и психологию людей. «Прозрачность» приватного существования в сочетании с подозрительностью, завистью к соседям, агрессивностью, присущей малообразованным слоям, создавали почву для стукачества и доносительства, столь присущих советскому коллективизму.

Между тем морально-психологическая атмосфера в стране становилась все более противоречивой. Массовый энтузиазм и трудовой героизм причудливо и парадоксально совмещались со всеобщим страхом, нарастающей подозрительностью, стукачеством (доноситель-

ством), поисками «врагов народа» и шпионов, от которых якобы происходили все беды [7].

Экспансия маргинализации вела к тому, что свойственная маргиналам система ценностей – крайние формы социального нетерпения, склонность к упрощенным прямолинейным решениям, неприятие существующих общественных институтов – стала распространяться на самые широкие социальные слои. Оказавшись на краю социальной целостности, маргинальные индивиды и группы попадали на периферию общества [7].

Инерции подобного маргинального быта, берущего свое начало из советской «коммунализации», во многом определяли адаптивные практики повседневного существования в современной социокультурной среде. Коммунальный быт и соответствующая психология маргинальных социальных слоев, осевшие в их «подсознании», оставались реальностью и в условиях новой социальной действительности.

Приходится также обратить внимание на инерцию воспроизводства отчуждения в контексте повседневных социокультурных изменений.

Философия исходит из того, что основными показателями отчужденных отношений современной личности с социальным миром являются: а) чувство бессилия перед объективными обстоятельствами; б) представление о бессмысленности жизни; в) восприятие действительности как мира, где нарушаются все нормы общественного бытия; г) ощущение вселенского одиночества; д) чувство утраты индивидом своего собственного «я», отчуждения от самого себя (самоотчуждение) [8].

Адаптивные практики и патриотизм

Достаточно активно с адаптивными практиками повседневного существования в российском обществе начинает взаимодействовать инерция государственного принуждения к патриотизму, берущая свои начала опять же в советской эпохе.

Патриотизм выступает значимой духовной ценностью, являясь основой единения и гармонизации социума, сохранения самобытности и своеобразия в многоликом и поликультурном человеческом сообществе. Патриотизм есть идеология и психология, политика и деятельностные практики, которые выражают особое, возвышенное и преданное отношение человека к своему Отечеству. Это чувство верности своей стране.

С.С. Яковлева подает патриотизм как нравственное начало человека, выражающееся в его любви и преданности к Родине, в осознании ее величия и славного прошлого [9].

Но в то же время патриотизм имеет и иное значение – общественно-политическое, когда человек, именуя себя патриотом, определяет свои взгляды как приверженность интересам страны. В этом контексте говорят о гражданском патриотизме, когда объектом патриотизма выступает населяющий страну народ (граждане); о государственном патриотизме и т.п.

Государственный патриотизм – это прежде всего лояльность по отношению к существующему государству, вне зависимости от того, что оно собою представляет. Речь идет о патриотизме применимо не столько к Отечеству, сколько к политике государства, к государственной власти. Но интересы государства далеко не всегда совпадают с интересами народа. Именно это обстоятельство следует иметь в виду, когда приходится говорить о государственном принуждении к патриотизму, что отличает современную Россию и ее политический режим.

Философ А. Ципко достаточно высоко оценивает тот патриотический энтузиазм, который отличает эпоху путинского президентства. По его мнению, было немало сделано в деле укрепления духовного и нравственного климата в обществе. Важное значение имело то обстоятельство, что рост благосостояния и жизненного уровня в докризисный период 2003–2008 гг. как бы подпитывал и рост патриотических чувств и гордости за свою державу. Тотальная победа идеи патриотизма привела к тому, что у нас все оказались патриотами.

Это понятие как бы объединило воедино и бывших борцов с империей, и монархистов, и поклонников «красного проекта», и адептов «евразийства» или «особой православной цивилизации». Но для каждого из этих патриотов благо России видится не только по-разному, но подчас попросту и противоположным образом [10].

Та же С.С. Яковлева недаром исходит из того, что современный российский патриотизм имеет две разновидности – государственный и частный. Государственный патриотизм – это то, что спускается сверху вниз, т. е. установки властей, идеи, содержащиеся в официальных документах, в выступлениях «управителей», социальные технологии, исповедуемые государственной властью, и т.п. Частный патриотизм – это то, что живет в душах и сердцах людей. Главное заключается в том, что частный патриотизм – это любовь к стране, но не к государству [9].

В своем Послании Федеральному собранию 2012 г. президент РФ В. Путин говорил: «Именно в гражданской ответственности, в патриотизме вижу консолидирующую базу нашей политики. Быть патриотом значит не только с уважением и любовью относиться к своей истории,

хотя, безусловно, это очень важно, а прежде всего служить обществу и стране» [11].

Здесь достаточно отчетливо звучит обращение не к государственному, а к гражданскому патриотизму. Однако в литературе и общественном мнении постоянно фигурирует подмена, когда авторы обращаются именно к государственному патриотизму, когда пишут о том, что «результатом государственно-патриотического воспитания должна стать сформированность у каждого россиянина государственных взглядов и убеждений, государственного мышления и мировоззрения, государственной позиции по отношению к современным реалиям, государственного подхода и отношения к порученному делу (учеба, работа, воинская служба) [12].

Выводы

Социальная инерционность сохраняет свою значимость и выраженность в адаптивных практиках повседневного существования россиян.

Социологические исследования и опросы свидетельствуют, что за 2000-е гг. значительная часть россиян так или иначе приспособилась к изменившимся условиям жизнедеятельности. На более высокий уровень вышло потребление, улучшилась обеспеченность семей предметами длительного пользования. Россияне научились лучше ориентироваться в сложных экономических кризисных ситуациях. С начала 2000-х гг. и вплоть до 2014 г. у россиян наблюдалось ослабление настроений беспокойства, тревоги и усиление чувства определенной социальной уверенности, которое связано с выстраиванием своего жизненного пути и формированием жизненной стратегии.

За годы кардинальных преобразований и реформ произошли существенные изменения в осознании людьми своих интересов и целей. В то же время население значительно дифференцировано по уровню адаптации к условиям кризисного общества. Стремительное ухудшение экономической ситуации в стране начинает сдерживать векторы позитивных процессов. Развитию адаптационных процессов препятствуют высокая зависимость человека от государственных структур, отсутствие эффективного механизма реализации человеческого капитала, широкое распространение коррупционных практик [13].

Таким образом, социальная инерционность в адаптивных практиках повседневного существования связана, прежде всего, с повседневной социокультурной средой («давление повседневности»), структурными элементами которой являются система социальных отношений и взаимодействий в определенном пространстве деятельности;

культура, традиции и обычаи; условия непосредственной жизнедеятельности. Различные отношения, обусловленные социокультурной средой, включают широкий спектр контактов с социальным миром, сферой культуры и искусства, отношения в пространстве ближайшего социального окружения.

Литература

1. Булдаков В.П. Qvo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. М. : РОССПЭН, 2007.
2. Ядрышников Л.Г. Культурные практики повседневности: к вопросу о методологических принципах изучения // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 14. Культурология. 2007. № 53. С. 194–202.
3. Чекалова Ю.В. Повседневные практики самопрезентации // Вестник Одесского национального университета им. Мечникова. 2009. Т. 14, вып. 13.
4. Касавин И.Т. Повседневность в контексте феноменологической социологии // Социемы. 2003. № 9.
5. Мигуренко Р.А. Повседневность, здравый смысл и проблема сознания // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 2 (14).
6. Зарубина Н.Н. Повседневность в контексте социокультурных трансформаций российского общества // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 61–62.
7. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М. : Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010.
8. Марков В.И. Отчуждение в культуре : автореф. дис. ... д-ра культурологии. Кемерово, 2002.
9. Яковлева С.С. Личный и государственный российский патриотизм // Концепт. 2017. Т. 6. С. 263–264.
10. Ципко А. Войны патриотов // Независимая газета. 2009. 3 февр.
11. Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года [Элек-

References

1. *Buldakov V.P.* Qvo vadis? Krizisy v Rossii: puti pereosmysleniya. M. : ROSSPEN, 2007.
2. *Yadryshnikova L.G.* Kul'turnye praktiki povsednevnosti: k voprosu o metodologicheskikh printsipakh izucheniya // *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Vyp. 14. Kul'turologiya.* 2007. № 53. P. 194–202.
3. *Chekalova Yu.V.* Povsednevnyye praktiki samoprezentatsii // *Vestnik Odesskogo natsional'nogo universiteta im. Mechnikova.* 2009. T. 14, vyp. 13.
4. *Kasavin I.T.* Povsednevnost' v kontekste fenomenologicheskoy sotsiologii // *Sotsiemy.* 2003. № 9.
5. *Migurenko R.A.* Povsednevnost', zdnavyuy smysl i problema soznaniya // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya.* 2011. № 2 (14).
6. *Zarubina N.N.* Povsednevnost' v kontekste sotsiokul'turnykh transformatsiy rossiyskogo obshchestva // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'.* 2011. № 4. P. 61–62.
7. *Orlov I.B.* Sovetskaya povsednevnost': istoricheskiy i sotsiologicheskiy aspekty stanovleniya. M. : Izd. dom Gos. un-ta Vysshey shkoly ekonomiki, 2010.
8. *Markov V.I.* Otchuzhdenie v kul'ture : avtoref. dis. ... d-kf kul'turologii. Kemerovo, 2002.
9. *Yakovleva S.S.* Lichnyy i gosudarstvennyy rossiyskiy patriotizm // *Kontsept.* 2017. T. 6. P. 263–264.
10. *Tsipko A.* Voyny patriotov // *Nezavisimaya gazeta.* 2009. 3 fevr.
11. *Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu 12 dekabrya 2012 goda.* [Elektronnyy

тронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/17118> (дата обращения: 06.03.2015).

12. Томила С., Туктаров Р. Государственно-патриотическое воспитание молодежи как педагогическая проблема // Человек и образование. 2014. № 4.

13. Козырева П.М., Смирнов А.И. Особенности и тенденции адаптации россиян к изменяющимся условиям в постсоветский период // Россия реформирующаяся: ежегодник [сб. науч. ст.] / отв. ред. М.К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 164–165.

14. Социология: Словарь-справочник / ред. Волков Ю.Г. М., Краснодар: ЗАО «Книга», 2006. С. 254.

resurs]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/17118> (data obrashcheniya: 06.03.2015).

12. Tomilina S., Tuktarov R. Gosudarstvenno-patrioticheskoe vospitanie molodezhi kak pedagogicheskaya problema // Chelovek i obrazovanie. 2014. № 4.

13. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Osobennosti i tendentsii adaptatsii rossiyan k izmenyayushchimsya usloviyam v postsovetskiy period // Rossiya reformiruyushchayasya : ezhegodnik [sb. nach. st.] / otv. red. M. K. Gorshkov; Institut sotsiologii RAN. M. : Novyy khronograf, 2016. Vyp. 14. P. 164–165.

14. Sotsiologiya: Slovar-spravochnik / red. Volkov Yu.G. M., Krasnodar: ZAO «Kniga», 2006. S. 254.

Поступила в редакцию

25 августа 2017 г.